

Глава 1

Только что наступил десятый месяц года. Еще был не восьмой день, который предвещал бы наступление зимы, но погода уже начала становиться холоднее. Даже несколько горшков хризантем в усадьбе премьер-министра, расположенных вдоль коридоров верхней палаты, начали увядать. Сейчас в поместье решался важный вопрос, поэтому слуги были предоставлены сами себе, как и цветы.

Матушка Цинь* потирала руки, когда быстро шла в Сад благочестия, она шла через соединительный коридор, проложенный известняком. Она спешила к главному дому, ее чернильно-зеленая хлопковая накидка развевалась в след за ней. Когда она дошла до коридора главного дома, молодая служанка протянула ей гребень, которым расчесывала свои волосы: «Матушка Цинь, вы вернулись».

«Ммм», матушка Цинь приподняла бровь, глядя на девочку, та сразу же вернулась к своим делам.

Тяжелые шторы, что закрывали двери главного дома были вышиты чернильно-зелеными нитками, на них изображались знаки, которые символизировали благополучие и долголетие. Когда она поднималась, навстречу ей выскочила горничная Цзисян, которая услышала ее шаги. Когда она увидела матушку Цинь, то тихонько отвела ее в сторону и сказала: «Старой вдове теперь немного лучше. Девочки составляют ей компанию».

Матушка Цинь потерла свои холодные руки и так же тихо ответила: «Старшая госпожа там?»

Цзисян покачала головой и указала в сторону Сада спокойствия, изображая насмешливый плач: «Вторая госпожа и Третья госпожа пытаются с ней поговорить», ее выражение лица резко изменилось: «Неужели Господин вернет этого человека обратно?»

Матушка Цинь тяжело кивнула, а Цзисян вновь изменилась в лице. Они развернулись, подняли занавески и вошли внутрь, в углу, на пересечении двух внешних стен стоял сандаловый стол.

Матушка Цинь похлопала себя по щекам, пытаясь отогнать холод и выдавила маленькую улыбку, подходящую для этого случая. Только тогда она быстро пошла вдоль черной лакированной панели с сороками, ведущей к цветам сливы, и направилась в боковой зал.

По сравнению с внешними комнатами, в комнатах старой вдовы было тепло так, будто там все еще была весна. Солнечный свет струился сквозь окна, украшенные бумагой Корё, изысканные резные украшения сверкали под солнечными лучами. На стульях лежали бледно зеленые подушки из парчи, на которых был вышит цветочный орнамент, но больше всего цветов было на мягких коврах из Персии. В середине комнаты мерцали угли на жаровне. Две молодые замужние дамы в красивых одеждах и драгоценностях сидели около очага, еще пять молодых девушек либо сидели, либо стояли рядом с кроватью у окна. Кровать, изготовленная из сандалового дерева, была украшена резьбой в форме символов удачи.

Сидя на кровати скрестив ноги, старая вдова была одета в темно-золотую куртку с несколькими пуговицами спереди, увенчанная высоким круглым воротником. На ее голове была повязка такого же цвета, украшенная нефритами. Под ее спиной была бледно-зеленая подушка, украшенная чернильно-зелеными цветами. Когда вошла матушка Цинь она толкнула одну из молодых девушек одетую в голубую бези**. Выражение лица старой вдовы было довольно доброжелательным и любящим, оно ничем не отличалось от того, что было раньше.

Тем не менее, матушка Цинь оказалась в центре внимания. Четвертая молодая мисс была

самой доброжелательной. Ее место в сердце старой вдовы не изменилось даже после таких ужасных событий.

«Старая вдова», матушка Цинь поприветствовала ее. Все в комнате были причудливо спокойны и странно смотрели на нее.

Лицо старой вдовы потемнело. Она сдержанно сказала: «Ее еще не вернули?»

Матушка Цинь осторожно поклонилась, склонив голову: «Вернули. Это сообщение принес слуга из второй резиденции. Говорят, что Старший мастер и Второй старший мастер, мастер и второй мастер уже прошли двери зала церемоний. Этот слуга сказал передать вам сообщение как можно скорее».

Старая вдова нахмурилась: «Но ты видела эту девушку?», не дожидаясь ответа матушки Цинь она вновь продолжила уже ледяным голосом: «Не важно, она часть нашей семьи! Наша дорогая Хуэйнин была с нами четырнадцать лет. Я держала ее на руках и любила словно она сокровище. Как она могла превратиться из моей внучки в подделку?»

Девушка, одетая в синее, что ближе всех сидела к старой вдове, начала всхлипывать, а потом и плакать, когда услышала эти слова.

Старая вдова протянула к ней руки и стала успокаивать ее: «Не плачь, моя дорогая. Мое сердце ломается, когда ты плачешь».

Цинь Хуэйнин икнула и прижалась еще ближе к старой вдове, по ее щекам капали слезы. Ее яркие миндалевидные глаза были такими опухшими, словно превратились в грецкие орехи: «Бабушка, ваша внучка наслаждалась годами вашей любви. Вам и семье Цинь....как ваша внучка может оказаться подделкой? Как я могу оказаться подделкой?»

Остальная часть комнаты была погружена в молчание. Все девушки в комнате смотрели на Старую вдову.

Старая вдова не могла видеть, как ее единственная внучка от старшего сына плачет. Она обняла девушку: «Не волнуйся! Никто не посмеет тебя выгнать! Я видела, как ты растешь, как ты можешь не оказаться дочерью своих родителей? Этот вопрос еще не решен. Кто знает, они могут притащить дикого зверя, который хочет лишь власти и богатства! Бабушка хочет, чтобы вы не обращали на это внимания. Бабушка любит тебя несмотря ни на что!»

«Бабушка!», Цинь Хуэйнин опустилась на колени перед старой вдовой, она была тронута. Она обняла ноги своей бабушки. Кто мог не проникнуться столь трогательной сценой? Даже молодые девушки второй и третьей ветвей семьи были тронуты, некоторые прослезились.

«Старая вдова, старший мастер, второй старший мастер, мастер и второй мастер вернулись», раздался голос молодой девушки, которая изящно появилась из-за дверей, в комнату ворвался порыв холодного воздуха, из-за которого стали колыхаться шторы.

Все выглядели, чтобы увидеть мужчин. Затем появилась высокая тонкая девушка с аккуратно изогнутыми бровями и глазами. Она была смущена.

Глаза собравшихся засветились, когда она вошла в комнату. Ей было тринадцать или четырнадцать лет, на ней было новое желтое платье и желтый плащ, расшитый цветами. Она шла очень легко, хоть она и была худой, она не казалась угловатой. Ее волосы на макушке были собраны в две шишечки, а потом ниспадали на плечи, перевязанные лентами. На ее

щеках не было пудры, а пухлые губы выглядели немного бледными. Ее брови изящно подчеркивали два миндалевидных глаза, которые красиво сверкали, представляя довольно привлекательное зрелище. Она была очень похожа на Старшего мастера Цинь Хуайюань в юности!

Было очевидно, что девушка еще никогда не представала перед таким большим количеством людей, которое сейчас находилось в доме Цинь. Она стояла чуть склонив голову, она была застенчивой и немного испуганной, эти чувства смешались с безмятежностью на ее лице. Этого было достаточно чтобы вызвать жалость у тех, кто на нее смотрел.

Семья Цинь славилась красивыми детьми, а Цинь Хуайюань превзошел всех своих сверстников. В молодости его называли главным из четырех джентльменов столицы, и все молодые девушки бегали за ним. Его экипаж всегда был полон цветов и сладостей, когда он ездил по городу.

Он был начитанным и очень умным. В свои двадцать три года ему удалось вбить клин между прошлым правителем северного Цзи и защитником нации генералом Пан Чжунчжэн, успешно избавившись от последнего и заставив северный Цзи медленно погибать в хаосе. Подъем Цинь Хуайюань после этого был молниеносным и теперь он стал премьер-министром Великого Ян.

Хоть северный Цзи теперь изменил название и стал Великим Чжоу, а ребенок генерала Пан Чжунчжэн в настоящее время пробивался в Великий Ян и был почти у порога столицы с армией наготове, Цинь Хуайюань все ещё сохранял свои взгляды и таланты. В тавернах даже рассказывали истории о «Чудесном плане мудрого Пана Ан», чтобы избавиться от хитрых врагов.

Девочка перед ними была отражением этого «Мудрого Пана», как во внешности, так и в манерах. не нужно было ничего расследовать – она была дочерью Цинь Хуайюань. Но если она была дочерью Цинь Хуайюань, то кем была Цинь Хуэйнин, которая уже четырнадцать лет жила в семье ее старшего сына?

Все взгляды метались между Цинь Хуэйнин и молодой девушкой, пока лицо Цинь Хуэйнин не стало красным от возмущения. Старая вдова одновременно успокаивала Цинь Хуэйнин и пренебрежительно рассматривала молодую девушку перед ней.

Девушка была прилично одета, но она не осмеливалась поднять глаз. Она была похожа на деревенскую простушку, которая никогда не была в большом городе...кроме того, что она выглядела как Цинь Хуайюань в молодости, не было причин, по которым они официально должны были признать ее первенцем семьи Цинь. Моя дорогая Хуэйнин намного лучше! Старая вдова крепко сжала ее руку, что доставляло девушке невероятную радость.

«Приветствуем мама», Цинь Хуайюань, второй старший мастер Цинь Сююань, мастер Цинь Юй и второй мастер Цинь Хань, отдали почтение старой вдове.

Старая вдова махнула рукой: «Вы можете встать», она не сводила глаз с молодой девушки.

«Дочь Инин, почему ты все еще не поклонилась своей бабушке?», холодно спросил Цинь Хуайюань.

«Дочь Инин?», старая вдова дрогнула.

«Да, мама, все эти годы во внешнем мире у нее было лишь прозвище. Ваш сын дал ей имя – Инин», он с неудовольствием посмотрел на тупо смотрящую девушку. Она выросла в сельской местности. Она ничего не знает о мире и вообще не знает манер. Она просто стояла там как

кусок дерева.

Молодая девушка поджала губы и начала вспоминать что нужно сделать, чтобы проявить любезность. Цинь Хань учил ее этому в гостинице. Она послушно опустилась на колени: «Внучка приветствует бабушку», ее голос звучал так, будто эхо доносилось из каньона.

Старая вдова следила за ее движениями. Ей едва удавалось походить на нормального человека. Старая вдова вздрогнула и тихонько фыркнула: «Теперь тебя зову Инин? Тогда как тебя звали раньше?»

«Меня называли Маленьким ручьем».

«И почему же?»

«Потому что моя мама нашла меня рядом с ручьем, она так меня и назвала».

От этих слов у всех были разные мысли. Некоторые издевались, а кто-то вздыхал. Цинь Хуэйнин сжала кулаки, но на ее лице было горькое выражение. Цинь Хань с сожалением вздохнул. Он понимал чувства этой девушки, у которой с детства была такая тяжелая жизнь.

Однако, старая вдова насмешливо улыбнулась: «Тебя называли Маленьким ручьем, потому что тебя там нашли? А если бы тебя нашли в логове собак, то называли бы Собачкой? Глупые невежественные крестьяне, которые даже не знают, как назвать ребенка. Я думаю ее не обязательно называть Инин, она не достойна этого имени. Просто оставим ее Маленький ручей».

Все молчали.

Цинь Инин с удивлением подняла голову и посмотрела на старую вдову. Оказалось, что эта семья не была ей рада, а ее бабушка открыто не любила ее. Это имело смысл. Она слышала, что наложницы в многодетных семьях из городов делали подобные вещи, чтобы получить некую выгоду. Теперь, когда ее истинный отец нашел ее и вернул, должно быть она украла чье-то место и стала бельмом на глазу.

Да и честно говоря ей больше нравилось, когда ее называли Маленьким ручьем.

Но она была дочерью семьи Цинь! Почему она должна была хвататься за то, что и так принадлежало ей? Неужели это была ее вина в том, что один из политических врагов этой семьи выкрал ее, когда она родилась? Почему она должна отказаться от возвращения домой спустя все эти годы?

Старая вдова чувствовала себя неуютно, когда на нее смотрели эти яркие миндалевидные глаза. Старая вдова холодно сказала: «Я слышала, что все эти годы ты пряталась в горах».

«Да», Цинь Инин опустила глаза.

«Почему ты отправилась в горы?»

«Из-за войны. Люди в городах беднеют и многие хотят нажиться на проблемах страны. Они похищают людей и продают их как рабов. Я боялась, что это может случиться и со мной после того, как умерла моя приемная мать, поэтому я пошла в горы».

Город Лян, в котором она жила, находился на границе двух стран. Войны бушевали там уже

более десяти лет, девять из десяти домов в этом городе были пустыми.

Старая вдова вздрогнула: «Какая же ты молодец, что решила спрятаться в горах».

*матушкой называли престарелых служанок на службе во дворцах и семьях аристократов.

**накидка популярная в династии Мин. В дальнейшем переводе будет упоминаться как плащ.

<http://tl.rulate.ru/book/13071/254386>